Служба поддержки для мафиози в депрессии

Психолог на проводе.

Мафия на удержании.

18+

Содержит нецензурную брань

АНАСТАСИЯ ГОР

Анастасия Гор

Служба поддержки для мафиози в депрессии

Серия «Охотники за мирами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74725856
ISBN 978-5-04-257328-6

Аннотация

Психолог на проводе. Мафия на удержании.

Виолу Ковальски увольняют из службы психологической поддержки по телефону из-за инцидента на линии. Последний звонок, который она успевает принять, поступает от таинственной старушки: она просит Виолу помочь «трудному внучку».

Виола рассчитывает встретить обычного богатого невротика, но вместо этого получает Мэттью Куроду – депрессивного босса мафии со скверным характером и вечными перестрелками с вражеским кланом.

Чем сильнее Виола пытается спасти клиента, тем глубже погружается в преступный мир, собственную тьму и опасную близость, в которой любовь больше похожа на соучастие.

Мрачный ромком с исцеляющими мотивами в новом романе Анастасии Гор, автора популярных циклов «Ковен

озера Шамплейн», «Рубиновый лес», «Сказания о мононоке» и однотомников «Самайнтаун» и «2:36 по Аляске».

Роман, в котором неудачливая работница службы психологической помощи становится личным психологом босса мафии – и выясняет, что лечить его депрессию опасно почти так же, как и любить его.

Непохожие друг на друга герои сталкиваются не только с криминальным миром, но и бытовыми реалиями.

Перестрелки, опасные секреты и горячие сцены – для тех, кто любит истории поострее.

Иллюстрация на обложке Nursanur. Издание дополнено чёрно-белыми иллюстрациями Риджи.

Содержит нецензурную брань

Содержание

1 7
2 25
3 54
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Анастасия Гор
Служба поддержки для мафиози в депрессии

Иллюстрация на переплете *Nursanur*
Иллюстрации в блоке *Риджи*
Дизайн переплета *Кати Петровой* и *Татьяны Евтихевич*

© Гор А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Спасибо шутке «Торгую людьми, банами… Ха-ха, шучу. Не бананами».

И на всякий случай.

Предупреждения: нецензурная лексика, жестокие сцены, секс с использованием посторонних предметов, психические расстройства, сомнительные методы лечения, нездоровые отношения, внезапно здоровые отношения, кринж и не самые реалистичные (к счастью) события. Вот теперь приятного прочтения!

Закрытый аукцион для мафиози

mafiosisupport.ru

1

Тяжело убеждать людей, что их жизнь – не полное дерьмо, когда твоя собственная именно такая.

Неудивительно, что на этой работе я продержалась всего два месяца, хотя здешние условия казались блажью после того, через что мне уже пришлось пройти, лишь бы закрепиться в этом городе и с позором не сбежать обратно. Как и предрекала мама, для мегаполиса я оказалась всего лишь фастфудом: город с самого начала пытался прожевать меня и выплюнуть. Вот только я из тех, кто намертво пристает к зубам, как старая жвачка. Именно поэтому не существовало такой работы, за которую я бы не согласилась взяться, если только на ней, конечно, не предлагали «отрезать от вас кусочек в обмен на сотку», как по тому номеру с листовки, которую я сорвала с подъездной двери. К счастью, рядом висела еще одна – с номером службы поддержки, где как раз работала моя подруга Кэролайн. Она передала мое резюме начальству, и уже через несколько дней я получила все, о чем тогда могла мечтать.

Безлимитный буфет с кунжутными булочками и черным кофе (молоко, правда, платное, жадные капиталисты!); раздельные туалеты – мужские и женские (после того, как я месяц проработала в ночном клубе и насмотрелась всякого, это было важно); свой личный рабочий стол (ну и что, что опен-

спейс, разве в этом мире мы не достаточно одиноки?) и, главное, такая зарплата, что мне бы больше не пришлось совмещать с еще одной работой по ночам или вспоминать номер с той, другой листовки. Все, что от меня требовалось, – это диплом об образовании, опыт, умение трепать языком и широко улыбаться. Что-что, а последние два пункта мне давались настолько хорошо, что на первые два никто даже не взглянул.

Лишь позже я поняла, что дело было не только в этом.

– Служба психологической помощи. Диспетчер Виола слушает. Как ваше имя?

– Называйте меня Джонни.

– Хорошо. Что случилось, Джонни?

– А то, что мой босс – полный козел!

Ох, Джонни… Мы с тобой что, работаем в одном месте?

Мой собственный козел в тот момент как раз проскакивал мимо рабочих столов, в дорогом кашемировом пиджаке – его он, вероятно, купил на те деньги, которые отмывали через липовые зарплаты сотрудников. Я догадалась об этом не только потому, что на мои документы толком не взглянули, а в бухгалтерский лист и вовсе записали как Виолетту – Виола я, Виола, это разные имена! – но и потому, что за первый месяц мне выплатили лишь половину обещанного, сказав, что после второго непременно все компенсируют. Снова перебирать уличные объявления и обивать пороги магазинов не хотелось, да и собрать все необходимое для трудоустройства сюда тоже было тем еще квестом, так что я стис-

нула зубы и, как и требовали на собеседовании, улыбалась.

Однако, должно быть, при виде своего начальника перестала, потому что директор отдела замедлился, наклонился и, наглядно растянув пальцами уголки рта, повторил наше железное правило: «Улыбайся!» В службе свято верили, что улыбка делает твой голос оптимистичнее и слышна даже тогда, когда тебя никто не видит, а значит, это помогает располагать к себе людей. Но я снова нарушила это правило, когда после пяти минут классического перебрасывания мяча в духе вопрос-ответ с того конца провода раздалось:

– Что мне поможет?.. Хм. Ну, у меня уже есть ствол. Крутой ствол, кстати, отжал его у одного парня в прошлую среду, мы с ребятами так часто по средам развлекаемся… Модернизированный Т-9 на патроны пятьдесят пятого калибра, ты прикинь! Я хочу взять его и завалить этого узкоглазого белобрысого крысеныша, своего босса! Думаю, после этого моя жизнь сразу станет намного легче. Как вы считаете? Чего молчите? Эй! Вы еще здесь?

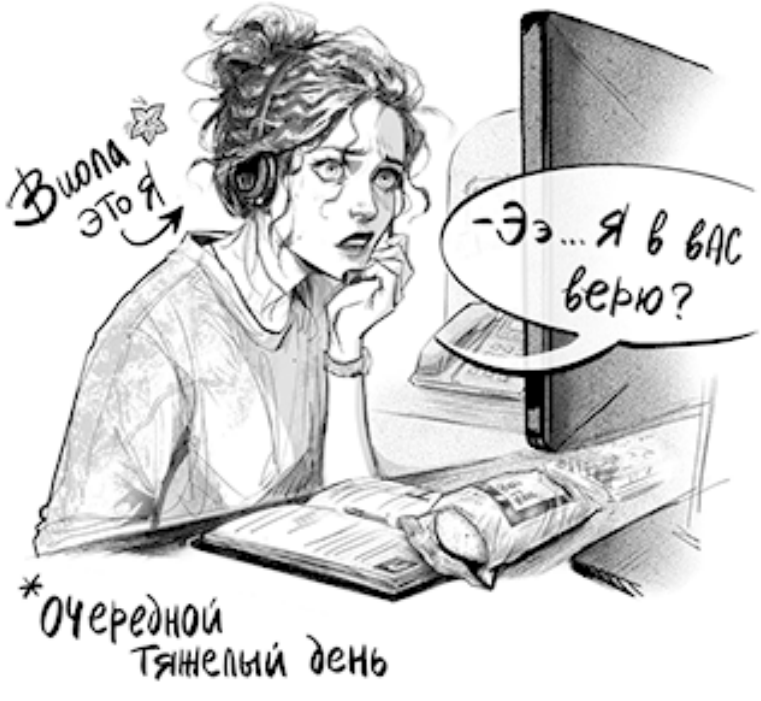
– Э-э… – Я скосила глаза на третий пункт листовки, в котором как раз следом за «Улыбайся!» розовым цветом значилось: «Мотивируй!» – Я в вас верю?

– Че, правда?

– Да.

Я сбросила вызов раньше, чем успела бы наговорить еще на одну статью помимо той, которая уже светила мне, если звонивший осуществит задуманное и копы захотят прослу-

шать запись его последних исходящих. И почему такие типы вечно попадают именно на меня?!

Конечно, не все вызовы были такими. Большинству требовалось лишь немногим больше, чем требуется незнакомцу, подсевшему к бармену за стойку и заказавшему разом бутылку виски. Кто-то и вправду звонил уже совершенно пья-

ный с грохочущей музыкой на фоне, а кто-то так рыдал взахлеб, что даже при всем желании я не могла сказать больше, чем «Ага, я понимаю», потому что было не разобрать ни слова. Каждый второй начинал с «Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедший…», а каждый третий оказывался задерганным школьником, который был убежден, что один проваленный экзамен способен разрушить всю будущую жизнь. Третье по популярности место делили девицы, страдающие по бывшему (они всегда звонили строго по пятницам и субботам), и мужчины, которые путали службу психологической помощи с сайтом знакомств.

– Да, спасибо, я знаю, что у меня ангельский голос. Нет, я не планирую выходить за вас замуж в ближайшее никогда. Нет, мне неинтересна рыба… Черная икра? Хм… Все равно нет. Пожалуйста, не занимайте линию!

Почему-то Кэролайн предлагали подобное намного чаще, чем мне, – примерно в том же соотношении, в котором у меня запрашивали одобрение на убийство. По голосу Кэролайн сразу (и весьма верно) представлялась миловидной блондинкой с модельными параметрами, чью работу в телефонной службе нельзя было назвать никак, кроме как преступным расточительством талантов. А вот мой голос, очевидно, рисовал ровно обратное. «Ой, не, у нее зубы явно щербатые, потому что у родителей на брекеты денег не наскреблось» или «М-да, даже волосы по утрам расчесать не может, вот и забирает резинкой-бантом в несуразный хвост» – что-то ти-

па такого.

А может, они другое чуяли… То, что если один раз наружу выпустишь, никогда уже обратно до конца не затолкнешь; как порез, из которого кровь капает прямо в воду и зовет акул.

– Пс-с, Виола! – Кэролайн перегнулась к моему столу, прежде щелкнув пальцем по микрофону и отключив звук. Я на всякий случай проверила взглядом, что лампочка не мигает: в прошлый раз она промахнулась, и на том конце провода слушали, что у нас обеих закончились прокладки. – У меня тут опять прыщавый подросток, которого бросила подружка по переписке с другого конца мира. Он ее ни разу даже вживую не видел! Не хочешь махнуться?

– Прыщавый? Ты теперь диагностируешь акне по телефону? – насмешливо спросила я, вытягивая из-под кудрей наушник. Резиновые накладки были такими тугими, что могли оставить на черепе вмятины. Пришлось помассировать уши с золотыми сережками-колечками, чтобы перестало болеть.

– Прыщавые всегда гундосят, ты что, не замечала? Короче. Будешь меняться или как?

Прежде чем отвечать, я решила проверить, кто же достался на этот раз мне. Система распределяла звонки автоматически, по принципу кирпича, летящего на голову с крыши, – иногда тебя подключало к кому-то, кого рвало во время панической атаки как раз в тот момент, когда ты пытался дожевать обеденный сэндвич. Это всегда была рулетка – рус-

ская, – и я слышала, как ребята через несколько столов от меня даже делают ставки, через сколько звонков встретится очередной суицидник. Однако в последнее время все чаще звучали ставки на «жертв террора Ямато-гуми» – только за эту неделю каждому из диспетчеров пришлось обрабатывать минимум по три аналогичных запроса.

Надо было принять участие с парнями в споре. Если бы поставила сейчас свою зарплату, то выиграла бы, наверное, сразу три.

– Диспетчер Виола слушает! Как ваше имя?

– Выстрелы…

– Мэм?

– Там были слышны выстрелы, когда он позвонил, чтобы попрощаться. Сказал: «Мама, я тебя люблю, кажется, я умираю, в меня попали». Выстрелы… До сих пор их слышу. И почти не слышу ничего другого. Выстрелы… Мой сыночек…

– Да уж, лучше прыщавые подростки, – протянула Кэролайн и без лишних вопросов откатилась на кресле обратно к своему столу, когда мои руки судорожно забегали по страницам тетради с памятками и университетскими конспектами, которые я притащила из дома как раз на такой случай.

Желтый маркер – универсальные фразы для тех, кто плакал, разводился или ненавидел мать. Розовый – «если абонент представляет угрозу для себя или окружающих». Зеленый – техники заземления при тревожных расстройствах

и истериках, синий – приемы гештальт-терапии для повторных звонков, красный – инструкция, что нажать на планшете для переадресации вызова на экстренные службы с пометкой, написанной более изящным почерком, чем мой (наверное, Кэролайн): «Виола, не геройствуй». Таким же цветом на недавнем перерыве на шестую кружку кофе был внесен мой личный вклад в науку, еще совсем свежий, даже гелевые чернила не высохли: «НЕ ГОВОРИТЬ «Я В ВАС ВЕРЮ», ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК СОБИРАЕТСЯ КОГО-ТО ЗАВАЛИТЬ!»

Не то, не то, не то.

Ищи, ищи, ищи! Ну же!

– Прошу вас, мэм, успокойтесь. Вы сейчас в безопасности?

– Да, я дома, но мой сын… Всего четыре часа назад он позавтракал моими картофельными оладушками с беконом и вышел на работу, а теперь его больше нет. Он всегда сразу звонил мне, если что-то случалось, а я – ему. Теперь я не знаю, кому мне звонить. Я не знаю, что мне делать. Я не… я…

Именно так в этой профессии начинались самые тяжелые и долгие разговоры. Возможно, поэтому Кэролайн так хвалилась званием старожила, хотя работает здесь всего год – дольше тут попросту не задерживаются. Либо ты сидишь как на иголках, либо сидишь на антидепрессантах – другого не дано. Услыхав обрывки моего разговора, даже другие диспетчеры уважительно притихли. Кто-то заботливо подложил

на край стола таблетку от головной боли, когда я отвернулась, тянясь за другой тетрадью в сумке, а кто-то впервые за все время, что я здесь, включил телевизор в углу под потолком, который я до этого считала сломанным. Скорее всего, это означало, что с таким голосом, какой был у этой женщины в моем наушнике – надломанным, сухим, как будто и не человек говорит вовсе, а призрак, которому живым уже никогда не стать, – звонили сейчас не мне одной.

«…СРОЧНО: в районе порта произошла перестрелка, предположительно между участниками преступных группировок Ямато-гуми и Монтрейн. По предварительным данным, конфликт мог быть связан с переделом контроля над грузовыми терминалами. Есть пострадавшие. Полиция оцепила квартал, движение в районе доков перекрыто. Очевидцев просят не приближаться к месту происшествия и передавать записи с камер телефонов правоохранительным органам».

Звука в телевизоре не было, но бежала мелкая строка, а за спиной ведущего утренних новостей сменялись кадры, которые впору было разбирать на фильмы ужасов: разбросанные по площади трупы, россыпь блестящих гильз и металлические контейнеры для морских перевозок сплошь в пробоинах от пуль и пятнах крови, которые проступали даже через блюр. Наверное, доки после такого закроют не меньше чем на месяц, только чтобы отмыть.

– Вот дерьмо, – вырвалось у меня, на что в наушнике протяжно всхлипнули. – Ой, это я не вам!

– Так, давай все же лучше я. Диспетчер Кэролайн слушает!

Я с благодарностью взглянула на Кэролайн, уже отделавшуюся от подростка и щелкнувшую несколько горячих клавиш на моей клавиатуре, чтобы перебросить вызов на свою станцию. С моего лба из-под челки уже текло, а по подушечкам пальцев размазались чернила, но нужную страницу в конспектах я так и не нашла. Ее приходилось открывать реже всего – «*помощь жертвам стихийных бедствий и терроризма*», – но что-то мне подсказывало, что найти ее все же стоит. На будущее.

«…СРОЧНО: в розыск объявлены Кэндзи Харакава, Шарль Деверо, Жан Веллини, Элайас Кроуфорд…»

Согласно все той же мелкой строке, контейнеры в порту при вскрытии оказались доверху набиты нелегальным оружием, подпольным производством и контрабандой которого, по слухам, промышляли как раз Ямато-гуми. Клан Монтрейн же специализировался на химических веществах, но и похищениями с торговлей органами на черном рынке не брезговал. Если бы пришлось выбирать, я бы однозначно голосовала за Ямато-гуми – они, по крайней мере, отличались верностью только одному ремеслу и не трогали простых людей.

Ну, по возможности.

«…СРОЧНО: 24 пострадавших, из них 4 – гражданские, в том числе сотрудники причала…»

Если бы кто-то еще год назад сказал мне, что я буду рассуждать о том, с кем лучше жить бок о бок – с преступниками или с преступниками, – я бы решила, что этому человеку здорово припекло голову на кукурузных полях, что распростирались тогда вокруг моего дома, и стоило бы носить панаму. Тогда слова «преступная группировка» я могла услышать только в фильме «Крестный отец», а слово «мафия» – когда играла с многочисленными родственниками в настольные игры после праздничного ужина. Здесь же, в этом городе, они были такой же печальной обыденностью, как гнилые овощи на рынке, и в последнее время звучали по радио каждые три часа.

– Я думал, город держат Ямато-гуми… Но эти Монтрейн в последнее время лезут из всех щелей, как тараканы, – проворчал из-за пластиковых перегородок кто-то на соседних рядах.

– Да уж, кажись, грядут перемены, – хмыкнул другой. – Я нынче голубей столько на улицах не вижу, как полицейских сигналок и желтых лент.

– Черт побери, порт! Не могли, что ли, другой район для своего месилова найти?! Теперь у меня точно никто квартиру там не снимет!

У кого-то, по крайней мере, была квартира, да даже, походу, две. Как же завидно!

Именно мечты если не о собственном жилье, то хотя бы о просто жилье, которое еще нужно в конце месяца как-то оплатить, заставили меня взять себя в руки. Смочив горло теплой водой из термоса, я устроилась на своем компьютерном стуле поудобнее и вернулась к работе. Кэролайн к тому времени уже направила к несчастной травмированной женщине скорую – на третьей минуте разговора у нее прихватило сердце – и устало попивала свой магазинный макиато через соломенную трубочку.

– Слушай, – обратилась она ко мне. – Тебе нужно больше уверенности. Тому мужику, который звонил до этого, ты сказала верить в себя, а сама тем временем…

– Пожалуйста, не сравнивай, – поежилась я.

– Тебе же двадцать пять, да? Неужто ты с самого университета эти тетрадки с собой таскаешь? Тебе не нужны шпаргалки, девочка! Давай посмотрим правде в глаза и на нашего любимого директора: здесь не то чтобы кому-то всерьез были нужны твои психотерапевтические знания. Людям в первую очередь нужно это. – И Кэролайн постучала длинным ногтем по своей груди. Учитывая реалии, в которых мы жили, я не сразу поняла, что она имеет в виду сердце, а не бюст (бюст у нее тоже был завидный). – Говори от души, и ты уже поможешь. А если нет – ну, ты пыталась, не твоя вина, пусть идут на очный прием или котиков гладят. Главное, не мямли и не шурши больше листочками человеку в трубку!

Вернуть тетрадку в рюкзак под строгим взором Кэролайн

стоило мне титанических усилий. Пальцы слегка дрожали, когда я клацала по кнопке и ждала соединения со следующим абонентом, и я чуть не нарушила уговор и не достала тетрадь обратно, когда Кэролайн с чувством выполненного долга ушла на обед, но сдержалась. В конце концов, как я и говорила, притворяться, что все будет в порядке, когда ты сама в это не веришь, – та еще морока. Однако кто я такая, чтобы не доверять старшим и более опытным коллегам, а уж тем более своему сердцу?

– Служба психологической помощи. Виола слушает!.. Ох, сэр. Послушайте меня, сэр… Поверьте, это не конец света! Да, я понимаю, что эта собака была единственной в своем роде, другой такой у вас уже никогда не будет. Миска теперь стоит пустая у входа, на лежанке осталась шерсть, да и погрызенная косточка напоминает, что вы больше не обнимете любимого Бублика и не услышите за дверью его счастливый лай. Но все рано или поздно уходят. Знаете, в детстве у меня была мышка. Я назвала ее Карлом в честь французского короля Карла Восьмого, который умер оттого, что забыл вовремя наклониться и ударился головой о дверной косяк. Несмотря на то что декоративные мыши живут в среднем полтора года, Карл прожил целых три! Конечно, как всякий наивный ребенок, я верила, что он бессмертный. Ну, знаете, как вы, наверное, верили, что Бублик состарится рядом с вами, а не попадет под колеса машины, потому что вы забыли про поводок. Но однажды я вернулась из школы и то-

же обнаружила тощий окоченевший трупик. Белоснежный, с длинным лысым хвостиком, похожим на ссохшуюся морковку. Я вытащила Карла из клетки и отнесла его к реке. Хотела похоронить в своем любимом месте, но прибежала бродячая собака – по описанию прямо как ваш Бублик, кстати, – и чуть не захлебнулась слюнями при виде Карла, наверное, голодная была, и…

«Да, – поняла я по круглым глазам Кэролайн, вернувшейся спустя время из буфета с парой кунжутных булочек, которые через несколько секунд выпали у нее из рук. – Наверное, она имела в виду все-таки бюст».

– Сэр?.. Алло? Сэр? Вы меня слушаете? Вы еще тут?

Уже на следующий день я собирала со стола свои вещи, потому что выяснилось: мужчина, с которым я проговорила почти полчаса по телефону, повесился еще на шестой минуте.

– Что ж, – сказала я самой себе, пытаясь изобразить смирение, потому что искоса наблюдающие за мной коллеги определенно надеялись увидеть отчаяние. Пришлось закинуть в рот и запить газировкой несколько таблеток из рецептурной аптекарской баночки, подписанной моим именем, чтобы у меня получилось. – По бесплатным булочкам я буду скучать. Булочки тут ничего…

Несколько штук, с поджаристой коркой, жалобно хрустнули в моем пакете, незаметно стащенные из буфета, пока директор дезактивировал мой рабочий пропуск и, возмож-

но, прикреплял к моему досье так называемый «волчий билет». Вряд ли меня теперь снова возьмут на работу в сфере здравоохранения или даже в частные и нечестные телефонные службы, как эта. Ну, не очень-то и хотелось – хорошей новостью было уже то, что я не получила повестку в суд.

У Кэролайн сегодня был выходной – повезло ей! – поэтому прощаться мне было не с кем, только с рабочим компьютером, с которым мы за эти два месяца сроднились. Отковыривать стикеры с котами-космонавтами, которыми я всегда помечала свою технику, было жалко, так что я решила передать их в наследство новому диспетчеру вместе с тайком скачанными видеоиграми и плакатом правил, где пункт «Мотивируй!» теперь вызывал дурноту. Содержимое всех ящиков уже перекочевало в отдельный пакет, оставалось только проверить, ничего ли я не забыла, и все-таки сказать напоследок:

– Я буду скучать, дружище.

Из-за перегородки выглянул парень, который пытался пригласить меня на бесплатный кофе из буфета в первую неделю работы и глаза которого напоминали мне рыбу-каплю за толстой оправой очков, но обращалась я не к нему. Эта работа, безусловно, была далека от идеала, и все же, на фоне других вакансий, очень к нему приближенной. Я плюхнулась на мягкий кожаный стул, в последний раз постучала пальцами по клавиатуре и почувствовала, как содержимое СМС, которое мне с утра скинула Кэролайн после недавних новостей, все-таки догоняет меня. *«Ты не виновата»*. Но да-

же если виновата и в носу у меня все-таки щиплет от слез, а не потому, что продуло от кондиционера, то с этим было уже ничего не поделать.

Прямо как с тем, что у меня больше нет работы. Снова.

Пи-пип!

Монитор компьютера зажегся, аппаратура издала короткий звуковой сигнал, и на гарнитуре замигала зеленая лампочка. Впоследствии я убеждала себя, что это была судьба, а не минутная слабость, рефлекс и желание еще раз прикоснуться к этому месту, когда моя рука схватилась за наушник с микрофоном.

Так или иначе мозг не успел остановить ни ее, ни мой язык:

– Служба психологической помощи, диспетчер Виола слушает!

Мне ответили спасительной тишиной, и несколько секунд ничего не происходило. Благодаря этому я успела опомниться, хлестнуть себя по лбу в наказание другой, менее прыткой рукой и заозираться по сторонам, судорожно соображая, кого из коллег выловить, чтобы перенаправить вызов. А пока искала, на том конце провода ожили – и прокряхтели:

– Девушка, пожалуйста, не кладите трубку. Нужна помощь.

«Пожилая женщина, – тут же выхватили подсознание и натасканный слух. – Лет восемьдесят. Дыхание рваное. Плачет?»

Я выпрямилась так резко, что ремень уже заброшенной за спину набитой сумки соскользнул с плеча.

– Мэм, я… сейчас соединю вас со свободным специалистом.

– Нет, нет! Не надо меня ни с кем соединять. Я знаю, куда звоню.

– Мэм, дело в том, что я здесь уже не…

– Еще раз перебьешь меня, лапочка, и я наложу на себя руки.

Не знаю, от чего меня передернуло больше – от очевидной и такой дерзкой манипуляции или от того, что я даже на экране компьютера быстро проверила, не переключило ли меня случайно на какой-то другой вызов, настолько сильно изменился и заледенел голос. А потом, когда я послушно замолчала, потеплел обратно, и женщина запричитала под сморкание в платок:

– Дело в моем внуке. Он уже третий месяц меня изводит, самонадеянный мальчишка! Наша семья трещит по швам, такими темпами мы скоро лишимся дома. Прошу, пришлите кого-нибудь, он мне…

– Вам нужен социальный работник?

– Руки. Наложу. Сейчас.

– Да слушаю я вас, слушаю! Я просто не…

Пожилая женщина тяжело вздохнула и засопела в трубку, но плакать, сморкаться и пытаться давить на меня (как будто знала чем!) перестала.

– Записывай, лапочка. Семьдесят второй дом на Тисовой улице. Это недалеко от центра, со стороны бухты, за той торговой улочкой с гирляндами и бутиками, где все старшеклассницы города каждый год скупают платья на выпускной. Сейчас июнь, так что ты их не пропустишь, а если вдруг заблудишься, то мой…

Пи-пип!

– Мэм?

Я сняла с уха наушник и проверила гарнитуру: огонек мигал красным. Нахмурившись, я выпрямилась над столом – и только тогда заметила директора, стоящего рядом. С раздутыми от ярости ноздрями, он вдавливал скрюченный палец в горячую клавишу «Сброс вызова» сбоку клавиатуры и, кажется, собирался сбросить из окна меня.

– Что тебе было непонятно в словах «ты уволена»?! Вот твои документы и еще пять вчерашних булок, чтобы ты не воровала из буфета, – у нас стоят камеры, к сведению. Теперь на выход!

Булки забили мою сумку до отказа, и цветные карандаши, которые я почти решила подарить компании, но вовремя передумала, пришлось запихивать в карман. Туда же я поместила мятую бумажку с наспех записанным адресом, и служба эмоциональной поддержки имени Виолы Ковальски официально стала индивидуальным предпринимателем и переехала на улицу.

2

Как назло, для первых чисел июня погода на улице стояла просто отвратная. Последние несколько дней лил дождь, и канализации не справлялись, из-за чего проезжую часть, через которую мне пришлось перебегать на красный свет, потому что светофор сломался, затопило по щиколотки. Кеды хлюпали, спина под желтым дождевиком вспотела – дурацкое сочетание летней духоты и морской влажности! – но даже это не могло испортить мне настроение больше, чем оно уже было испорчено. Вопреки всему, я любила это подавленное состояние, когда чувствуешь себя на дне. Только тогда тебе нечего терять, а значит, нечего и бояться.

Как и предрекала та ненормально-загадочная бабуля, отыскать ее дом не составило труда. Вереница хихикающих старшеклассниц, полных взрослых планов на будущее, но с еще детскими надеждами, начиналась аж у самого метро. Они облепили витрины с наряженными манекенами, размахивая родительскими кредитками, и я просто следовала проложенной ими тропе, как тропой фонарей. Еще одну тропу я оставляла за собой – из хлебных крошек от тех прощальных офисных плюшек, что прихватила вчера в пакете и которыми перекусывала прямо на ходу после ужасного собеседования на ужасной заправке. Квартал бутиков закончился и плавно перетек в Тисовую улицу как раз к тому моменту,

как я дожевала последний кусок.

Несмотря на то что это и вправду было в центре, город здесь становился тише – и, даже по сравнению с другими прибрежными районами, богаче. Мокрые каменные ступени, чугунные ограды, узкие палисадники с фигурно подстриженными кустами и дома, которые выглядели так, словно передавались исключительно по наследству или через договор с дьяволом. Я остановилась у первого перекрестка, проверила номер на ближайшей калитке и тут же сорвала джекпот. Семьдесят второй дом!

Но… Мне точно сюда?

Трехэтажный особняк, притаившийся за живой изгородью между сосен и туманом, поднимающимся с бухты под холмом, должен был принадлежать какой-нибудь кинозвезде, а не одинокой пенсионерке, которая плакалась мне в трубку о непослушном внуке. Я даже попрыгала на месте, чтобы заглянуть за забор и убедиться: гектара два, не меньше! Огромная парковка с подъездной дорогой, сад с камнями и карликовыми деревьями (кажется, они называются бонсай?), веранда и беседка. Но именно дом все еще оставался самым поразительным объектом на этой территории: стекло в нем резало темное дерево, а современный стиль, обещающий удобство мегаполиса, бодался с чем-то классическим, почти архаичным. Угловатые черепичные крыши над панорамными окнами имитировали старину, будто их сняли и нахлобучили на современный дом с какого-то древнего хра-

ма, как шляпку. Ярусная композиция этажей заставляла всю конструкцию визуально плясать, а с самой его верхней точки, из маленькой башенки по центру, должно быть, открывался изумительный вид на все побережье. Эх, вот бы посмотреть…

– Нет, – фыркнула я себе под нос, прилипнув лбом к решетке достаточно скромных для такого имения воротец. – Не может быть!

Разве денежное состояние подобных размеров не подразумевает, что у таких людей имеется в распоряжении своя личная служба поддержки, а то и целая больница? На их месте я бы если и звонила на общественный телефон доверия, то только для того, чтобы посмеяться над тем, насколько нищие те, кто там работает.

Камера над бронзовой пластинкой повернулась. Зажужжала, примеряясь к моему лицу… И отвернулась обратно. Воротца, на которые я беспомощно налегала, издали электронный сигнал и открылись.

– Вы из службы экстренной психологической помощи? Проходите. Госпожа Курода ждет вас со вчерашнего дня.

Дверь, разумеется, тоже открыла не сама хозяйка – открывать двери в таком роскошном особняке самостоятельно попросту дурной тон! Меня встретил сухощавый мужчина с жидкой бородкой и в одежде, какую, я думала, в наш век уже никто не носит: белоснежная рубашка с воротником-стойкой, черный блестящий пиджак, узкие брюки со стрелками и

перчатки цвета слоновой кости – в самый раз, чтобы бросить одну в лицо кому-то и вызвать на дуэль. Он бегло осмотрел меня, поморщил нос при виде моей грязной обуви и, забрав у меня дождевик, жестом пригласил не стоять статуей на входе и пройти вглубь дома.

Что я вообще здесь делаю?

На самом деле я знала что: я искала шанс, чтобы все-таки не идти работать на заправку. И, судя по убранству комнаты, в которую меня проводили, с шелковыми обоями и антиквариатом на каждом шагу, это место могло мне его дать. А та, кто действительно ждал меня в вольтеровском кресле, уже заварив чай и расставив по ажурной скатерти вазочки с безе, также могла подарить мне искупление. Не сказать, чтобы инцидент с висельником лишил меня сна прошлой ночью, но несколько лишних таблеток выпить пришлось. Если я смогу кому-то помочь после такого, а бонусом, может, оплатить долг за квартиру, то приехать сюда, даже рискуя своими внутренними органами в этаком-то городе, определенно стоило.

От влаги волосы вились сильнее обычного, и я неловко постучала по собранному на макушке пучку ладонью, чтобы вбить назад вылезшие и торчащие пряди.

– Госпожа Курода? Меня зовут Виола. Это я вчера приняла ваш вызов. Прошу прощения, что пришлось ждать так долго, меня… – «Уволили? Нет, нет, такое нельзя говорить ни в коем случае!» – г-хм, повысили. Я решила приехать к

вам и… – «Попросить денег»? – и лично убедиться, что с вами все в порядке.

– Ох, лапочка! Ты такая любезная. Я верила, что именно такая помощница ко мне и приедет. Прошу, называй меня бабушка Цубаки и садись.

Назвать бабушкой женщину, сидящую под двумя катанами на стене и портретом какого-то усатого азиата в военной форме, у меня даже мысленно не получалось. Мозг предлагал варианты вроде «Ваше Величество», «Госпожа-Подозрительно-Богатая-Старушка» и «Пожалуйста, не поручайте мое расчленение дворецкому!». Но вслух я, конечно, ничего не сказала. Кивнула и опустилась на край дивана, заваленного гобеленными подушками и, пожалуй, слишком дорогого для того, чтобы на нем сидел кто-то с просроченной арендой.

Гостиная явно была из тех комнат, которую первой показывали человеку, чтобы он сразу понял, что попал в высшее общество. Бледно-желтые обои мягко поблескивали в теплом свете торшеров в плиссированных юбочных абажурах; на буфете громоздилась целая коллекция посуды с изящными синими птицами, а на полке – цветы в горшках, среди которых я узнала азалии, гибискус и гиацинт, потому что моя мама выращивала в теплице точно такие же. Только благодаря им я начала потихоньку верить, что все здесь действительно принадлежит человеку на пенсии, но… наверное, не слишком увлеченному садоводством: часть цветов, судя по жухлым листьям и запаху, гнила. Над камином же висели

свитки с каллиграфией вместо семейных портретов и черно-белые снимки кораблей. Все вместе это выглядело так, будто кто-то поженил буддийский храм и английский клуб, а потом у них родился этот дом с госпожой Курадой. То есть бабушкой Цубаки.

– Чай? – предложила с улыбкой она.

– Спасибо, я…

– Чай, – кивнула она и до краев наполнила мою посудку – пиалу вместо обычной чашки.

Безе было розовое, воздушное и пахло клубникой. Я взяла одно просто потому, что бабушка Цубаки пододвинула ко мне вазочку, а в этом доме явно не существовало вещи, от которой можно было бы отказаться, если предлагала именно она.

– Вы вчера говорили, что беспокоитесь о внуке… – осторожно напомнила я.

– Да, мой мальчик, – вздохнула бабушка Цубаки, и на секунду слово «бабушка» все же стало казаться уместным: линия ее губ смягчилась, на худых припудренных щеках образовались ямочки, и морщинок, которых у нее было не так-то много, прибавилось вдвое. – Он хороший. Умный. Очень красивый, хотя это, конечно, для мужчины скорее недостаток, чем достоинство. Раньше он был спокойнее… Работал, занимался делами семьи, приходил ко мне на ужин по воскресеньям. Ел мой суп. А теперь… – Она обхватила пиалу обеими руками, сделала маленький глоток и тут же подли-

ла себе еще чая. Дворецкий стоял в углу неподвижно: похоже, для бабушки Цубаки распитие чая было своего рода церемонией, с которой она предпочитала справляться сама. – Теперь мой внук почти не спит, я вижу это по синякам под его глазами. Мужчинам свойственно топить в вине печали, но он будто норовит утопиться в нем сам. Несколько раз он заявился с перегаром прямо на совещание, причем сильно опоздал, хотя даже к парикмахеру не опаздывает со школьных лет. И этот запах… Так же пахло от моего мужа незадолго до того, как нам пришлось переехать и его хватил инфаркт.

Я едва остановила руку, тянущуюся к сумке за тетрадью с ручкой, и мельком пробежалась по комнате взглядом еще раз: тот сад с камнями и бонсаем за окном, каллиграфия, портрет, катаны и маленькая милая статуэтка белой кошки с поднятой кверху лапой – на удачу.

– Вы переехали сюда из Японии?

– Все верно, лапочка.

Однако переезд тот, должно быть, был очень и очень давно, потому что от Японии было много всего в интерьере, но очень мало в самой бабушке Цубаки. Не считая, конечно, ее фамилии, почти безупречно гладкого для старушки лица (а я-то решила, это ботокс!) и миндалевидного разреза светло-карих глаз. Возможно, японской была и та выправка, с которой эта женщина восседала в кресле как на троне. При наклоне за чаем спина оставалась прямой, а таким не все-

гда могли похвастаться даже женщины из высшего света, не то что живущие в этом городе. Платье на бабушке Цубаки было той бессмертной классикой, какую носила еще принцесса Диана, но в запáхе, мягком широком поясе и серебряном узоре под стать таким же серебрящимся сединой волосам, забранным в прическу, угадывались черты кимоно – дань корням.

– А вы можете предположить, чем вызвано состояние вашего внука? – поинтересовалась я. – С чего все началось?

– С бизнеса, конечно, – сказала бабушка Цубаки таким тоном, будто в этом мире все плохое всегда начиналось с денег. В общем-то она была права. – У нас семейное дело. Торговля. Фруктами.

– Фруктами? – переспросила я, приподняв бровь.

– Да. В основном бананы. Иногда черешня и цитрусы. Иногда манго.

– И какие могут возникнуть проблемы с… манго?

– Очень большие, – серьезно сказала она. – Людям уже недостаточно обычного манго. Всем подавай экзотику, видишь ли. Они хотят ультрасладкое, ультрадешевое, чтобы одним кусочком можно было накормить целую толпу и чтобы сражало наповал! Из-за этого фрукты на плантации приходится постоянно модифицировать, но это еще полбеды. Гораздо хуже, когда твою нишу пытаются забрать, тебя – изничтожить, а фрукты – украсть. Был у нас один партнер… Мой внук считал его другом, но он предал его, буквально во-

ткнул нож ему в спину, из-за чего наша новая версия манго угодила в руки нашим конкурентам. Теперь у нас идет война.

– За фрукты? – переспросила я еще раз и еще же раз приподняла бровь. – Извините, я очень далека от фруктового бизнеса и бизнеса вообще, но… Может быть, вашему внуку просто перейти на овощи? Это лучше, чем постоянно жить в стрессе и бухать из-за манго. То есть, г-хм, пить.

– Ах, лапочка! – искренне рассмеялась бабушка Цубаки, и даже если я явно не поняла масштаба проблемы и оттого сказала какую-то чушь, то она, по крайней мере, заметно повеселела. – Если бы все было так просто! Мой внук очень похож на своего деда: если вбил себе что-то в голову, то уже не отступится. Да и мы не проживем без наших фруктов, фрукты – то, на чем веками зиждился наш род. Мы не можем потерять все сейчас.

– И у вас, госпожа Курода…

– Бабушка Цубаки, лапочка.

– Бабушка Цубаки, – поправилась я, чувствуя, как слово «лапочка» медленно, но уверенно роет мне могилу, – и у вас есть какой-то план насчет внука, верно я понимаю?

– Конечно. Мой план – это ты.

Это прозвучало хуже, чем все варианты, которые я перебрала в голове, пока сидела здесь и снова и снова спрашивала себя то самое: «Боже, что я тут делаю? Что я тут делаю и зачем слушаю про роковые фрукты?!»

– Бабушка Цубаки, боюсь, вы меня неверно поняли…

– Что ты думала, я собираюсь предложить тебе? Когда ехала сюда, – поинтересовалась бабушка Цубаки подозрительно радостным тоном.

– А я не думала, – честно призналась я. – Это моя главная проблема по жизни.

– И все же ты здесь.

– Да, потому что вчера вы сказали…

– Что наложу на себя руки? – спокойно подсказала она.

Я поджала губы.

– Именно.

– Нехорошо с моей стороны, признаю. Но иначе ты бы не откликнулась.

– Это манипуляция.

– Это эффективная коммуникация, когда тебе за восемьдесят.

Я открыла рот, закрыла его, снова открыла и решила, что спорить с пожилой женщиной в доме с катанами – плохая стратегия даже для того, кому нечего терять. Жизнь-то моя все еще при мне пока что.

– Пойми меня правильно, лапочка. – Бабушка Цубаки наклонилась через стол, и следом за ней ко мне протянулся сладковатый запах цветов и их гниения – горшочки в ряд выстраивались как раз за ее спиной. – Мой внук – единственный, кто у меня остался. Он и я – последние из семьи Курода, все остальные давно мертвы. Я не могу смотреть на то, как он страдает, приходит ко мне в одном и том же костюме

два дня подряд – для мужчины его положения это настоящий крик о помощи, поверь мне, – и вдобавок перестает бриться. Он говорит, что все контролирует, но это неправда. Я знаю это, потому что когда-то мой муж вел себя точно так же, и я уже сказала тебе, к чему это привело.

Бабушка Цубаки взяла безе и разломила его пополам. Она сидела там, в своем огромном кресле, сама маленькая, худая и сереброволосая, с кружевной салфеткой на коленях, чтобы на одежду не сыпались крошки. В осанке – стать, в интерьере – роскошь, и даже в том, как двигаются ее сухие руки, когда тянутся за очередным безе и чаем, что-то напоминало танец. Каждый жест ее был выверенным и обдуманным, даже когда она просто стряхивала крошки. Вот почему у таких людей не бывает своей собственной службы поддержки – потому что они никогда не признаются, что нуждаются в помощи. Должно быть, для бабушки Цубаки исповедаться мне о семейных проблемах тоже было огромным подвигом, и все ради единственного внука.

Пока я судорожно соображала, разглядывая носки своих кед под столом, рядом с моим блюдцем лег тонкий лист бумаги. Я не сразу поняла, что это чек. Больше походило на визитку, потому что и число, написанное на ней, было длинным, как номер телефона.

– Половину сможешь обналичить сразу, вторую половину – после того, как я увижу стабильный результат, – произнесла бабушка Цубаки. Ее голос, теперь хлесткий и деловой,

имел удивительное свойство меняться по щелчку. От старческой мягкости и попыток разжалобить не осталось и следа, как только она поняла, что я уже на крючке. – Такая форма оплаты ведь подойдет? Количество встреч или… сессий, как вы, психологи, кажется, это называете, можешь определить сама, я склонна доверять специалистам. Главное, постарайся управиться за три месяца, до конца лета.

– А что будет в конце лета? – рефлекторно спросила я, все еще пялясь на чек, как будто разговаривала с ним. Для меня он и впрямь был теперь живым, потому что и мне сулил вторую жизнь – совершенно новую и счастливую жизнь моей мечты.

– Одно важное семейное мероприятие, *церемония*, к которой мой внук должен опять стать прежним. Так что, мы договорились?

Что ж, только что госпожа Цубаки Курода задрала мою планку до небес. Теперь если пенсия, то только такая!

– Договорились, – кивнула я, и мы сделали по глотку чая вместо рукопожатия, скрепляя сделку.

Теперь, когда я любовалась не чужой роскошью, а сво-

ей собственной будущей, обещанной этими многочисленными нулями на чеке под блюдцем, чай казался невообразимо вкусным. Я вдруг распробовала в нем миндально-шоколадные ноты и целый букет сухофруктов в шлейфе аромата, хотя еще пять минут назад мне казалось, что я пью пустой кипяток, каким обычно завариваю лапшу. Ах, вот, значит, что нужно, чтобы распробовать эти элитные японские чаи – быть богатым! Потому что это и есть вкус богатства. Тонкий, бархатный, слоящийся на языке…

И так легко рассеивающийся сразу после глотка.

– Можно еще один вопрос, бабушка Цубаки?

– Конечно, лапочка.

– Ваш внук ведь в курсе, что вы нашли для него психолога?

– Пока нет, – улыбнулась она, и чай едва не пошел у меня носом.

Я отставила эту пресную воду обратно на блюдце и резко выпрямилась на диване, сведя коленки вместе, чтобы одна из них не начала нервно подпрыгивать.

Как я и предупреждала раньше, думать наперед – не моя стихия. А именно это нужно было сделать, когда бабушка Курода только озвучила свое истинное желание вправить внуку мозги. Ведь существовало незыблемое правило, которое не смог бы обойти даже самый опытный специалист: мозги вправляются тогда, когда тот, чьи они, готов, чтобы их трогали, ломали и вертели. Именно поэтому перед на-

чалом сеансов всегда заключается договор, подписывается информированное согласие, достается номер супервизора… Конечно же, у меня не было при себе ни первого, ни второго, ни третьего, прямо как у внучка Курода не было выбора.

«Зато у меня есть чек! – счастливо пропищала та безрассудная часть меня, которая даже сейчас не сводила с этой злосчастной бумажки глаз. – А у этого внучка – богатая бабка, явно привыкшая держать его в ежовых рукавицах. Ничего, потерпит!»

«Откажись, откажись! Откажись сейчас, пока еще не поздно! – басила другая часть, а потом добавила: – Верни чек!» – и я поняла, что правильно делала, что никогда ее не слушала. Пф-ф, это же надо, предложить такую глупость!

– Кстати, какой у моего внука диагноз? Если судить по тому, что я о нем рассказала, – неожиданно поинтересовалась бабушка Цубаки. Я вскинула голову и моргнула несколько раз, проследив взглядом за тем, как она почти ласково ведет пальцем по краю своей чашки, прежде чем посмотреть на антикварные напольные часы.

– Предполагаю, депрессия, – ответила я ей, не думая. Тут даже такой, как мне, лишний раз думать не нужно было. – Скрытая и высокофункциональная.

– Разве депрессия не вызывает у мужчин половую дисфункцию? Я в одном журнале читала.

– Да… Бывает такое.

– Плохо, – запричитала она. – Очень плохо. Я хочу пра-

внуков. Тогда тем более надо лечить.

– Возможно, также имеет место расстройство адаптации… Но это я смогу понять только после того, как его увижу.

Если бы я знала, что эти слова сработают как мистическое заклинание, я бы их не произносила.

Сначала где-то за панорамными окнами, золотистыми оттого, что время уже близилось к полудню, звонко хрустнул гравий. Потом где-то там же низко и зло взревел двигатель продавившего его автомобиля, въезжающего на территорию особняка. Бабушка Цубаки и дворецкий, о существовании которого было легко забыть, друг за другом повернули головы на звук. Я тоже посмотрела – робко, приподнявшись с края дивана, чтобы увидеть там, за окном, с визгом припарковавшийся хромированный джип.

– Ох, а то я думаю, чего свежие фрукты на рынке так подорожали…

Если я и представляла себе как-то торговцев фруктами, то не так. Совсем не так.

Он вошел через несколько минут в предварительно распахнутые дворецким двери, и по пятам за ним сочился не по-июньски холодный воздух, будто он привел осень вместе с собой, как послушного щенка. В нос ударил резкий запах дорогого мужского парфюма, что-то сандаловое, оставляющее странный металлический привкус во рту, как если бы на язык положили монетку. Он будто только что вернул-

ся не откуда-то с базара, а с похорон: черная рубашка, черный приталенный пиджак, длинный черный тренч сверху, струящийся почти в пол, узкие черные брюки со стрелкой, черные лакированные ботинки-оксфорды и даже часы тоже черные из матового кварца. А вот круглый перстень на указательном пальце – платиновый. Темно-красный шелковый галстук смотрелся под его горлом как капля ползущей по груди крови, а по самой шее, с правой ее стороны из-под воротника, к выбритому затылку взбиралась какая-то замысловатая татуировка, навевающая мысли о драконьей чешуе или волнах. В растрепанных светло-русых волосах, похожих на пшеничные колосья, мерцали капли – должно быть, снова прошел дождь, прежде чем солнце выглянуло.

Да, и впрямь какой-то не торговец фруктами… Как, впрочем, и не японец.

Японского в нем было в разы меньше, чем в бабушке Цубаки. Только тот же разрез глаз, явно смягченный какой-то другой, не японской, кровью, и то, что они были под низкими широкими бровями настолько темными, что, казалось, не отражают свет. Совершенно ничего не выражающие и не живые, не перенявшие ни толики бабушкиного тепла, даже когда она улыбнулась ему, не вставая с кресла.

Еще никогда мне не доводилось видеть, чтобы внук приветствовал бабушку не объятиями, поцелуями в щечки или хотя бы ответной улыбкой, а поклоном в пояс. Похоже, это было что-то традиционно японское, что мне, знающей о Япо-

нии только то, что написано в меню азиатского ресторана возле дома, было определенно не понять. Как и те слова на их языке, которыми они обменялись, прежде чем бабушка Цубаки упомянула мое имя. Только тогда ее внук посмотрел на меня – кажется, иначе он делать этого и не собирался. Какая-то рябь пробежала по его лицу – гладко выбритому, надо сказать, и чего бабушка Цубаки сетовала? – когда она повторила мое имя еще раз. Кроме него я поняла из их диалога только «*хай*», что означало «да», и «*кудасай*», что означало «пожалуйста». Именно эти слова доносились из-за стены комнаты моего задрота-соседа в съемной квартире чаще всего.

– Лапочка, – обратилась ко мне наконец-то бабушка Цубаки, когда я неловко подвинулась на диване, чтобы ее внук мог сесть на другом его краю (чего он, конечно, не сделал). – Познакомься с Мисато. Мисато, это Виола.

– *Ми-са-то*.

Я повторила по слогам, пытаясь не столько запомнить, сколько распробовать и понять. Без сомнений, я сделала это совершенно тихо, не громче той мошки, что летала над полусгнившей гортензией. Однако именно в тот момент мужчина метнул на меня резкий взгляд исподлобья, как будто услышал.

И как будто сразу же возненавидел.

Такие тонкие губы с опущенными уголками всегда делают выражение лица недовольным, даже если это не так. Но

сейчас, когда недовольство было оправданным и настоящим, лицо его и вовсе стало выглядеть убийственно.

– Бабушка, – произнес он, и это было единственное слово, которое он сказал, прежде чем вытянуться во весь рост, сжать в кулаке снятые замшевые перчатки – тоже черные – и снова перейти на японский. На нем он говорил быстро и рублено, весь этот язык напоминал для меня нескончаемый армейский приказ, хотя на самом деле голос у него был мягким, совершенно не соответствующим такому мрачному образу; немного хриплый, вероятно от сигарет, горечью которых тянуло от него, когда он обошел диван и встал между мной и Цубаки.

«Кажется, мне все-таки придется вернуть чек», – стала догадываться я, заметив, что даже дворецкий незаметно ретировался из комнаты. Бабушка Цубаки вскинула подбородок и вцепилась в подлокотник ногтями, и их разговор зазвучал резче, громче, пока просто повышенный тон не стал оглушительным.

Я незаметно вынула из кармана джинсов телефон, скосила глаза на экран, нашла приложение с аудиопереводчиком и кликнула на японский язык.

«Посмотри на себя! Мы ссоримся при посторонних. Ты раньше никогда так себя не вел!»

«Раньше я был ребенком, Цубаки-сама. Перестаньте лезть в мои дела!»

«Это дела водопад».

«Ты хочешь танцевать меня!»

«Будь вежлив! Эта лягушка здесь пела, не ешь их».

Хм. Видимо, до синхронного перевода языковому искусственному интеллекту все еще далеко… Хотя суть я определенно уловила.

– Мисато, стой!

«Эта лягушка» втянула голову в плечи и почти пригнулась, когда Мисато с характерным свистом развернулся на каблуках ботинок и ринулся к двери. Там, возле нее, еще закрытой, потому что дворецкий трусливо сбежал, он положил ладонь на ручку, и по тому, как на тыльной стороне ладони проступили сухожилия, я поняла: если бы эта дверь была чуть дешевле, эту ручку он бы оторвал и унес с собой. Только за секунду до того, как выйти, он все-таки повернул голову, мазнул взглядом по своей устало вздохнувшей бабушке и остановил его на мне.

Взгляд был короткий, как удар линейкой по пальцам. Не особо сердитый, вопреки ожиданиям, но оценивающий. Будто я была не человеком, а новой и неприятной переменной в задаче, от которой у него разболелась голова. После этого он сказал что-то опять по-японски. Переводчик в моем телефоне задумался, мигнул и выдал:

«Жареная курица не подписывает окно»

Я поспешно заблокировала экран.

– Вот, – сказала бабушка Цубаки наконец, когда Мисато вышел и трещащее в комнате напряжение наконец спало. – Теперь ты сама видела.

Потом медленно разжала пальцы на подлокотнике и опять вздохнула. Так по-старчески, что мне почти стало ее жалко. Пришлось напомнить себе, как ловко она манипулировала мной сначала самоубийством, а потом деньгами, чтобы завести сюда, в этот тупик. Из которого мне, похоже, теперь удастся выбраться, только если я пробью его своей головой.

Повисла звенящая тишина. Бабушка Цубаки поднялась из кресла, и я тоже вскочила, потому что не знала, можно ли оставаться сидеть, когда поднимается такая женщина. Чек все еще лежал под блюдцем. Никто не попросил его вернуть. Я посмотрела на него один раз, моргнула… Он не исчез. Бабушка Цубаки тоже стояла на месте и чего-то ждала, возможно меня. Аккуратно, двумя ноготками я прикоснулась к своей мечте и, вытянув чек за уголок из-под блюдца, сложила его пополам и убрала в карман.

Бабушка Цубаки улыбнулась.

– Ступай, лапочка. Прошу, верни мне моего внука.

И после этой семейной драмы она правда думает, что я возьмусь за эту работу?!

Что же, она права. Но почему она все еще думает, что у меня получится?

Дворецкий проводил меня к выходу и молча всучил высушенный дождевик. Спрятанное за куцыми тучами солнце

выглядывало оттуда наполовину, как лимонная долька, и ярко светило, но влажность из воздуха никуда не делась. Дворецкий за моей спиной щелкнул замком, и японский храм с английским антиквариатом отрезало от моего мира и портового городка. Я уже почти спустилась с крыльца, пытаясь придумать, с чего начать, когда заметила, что хромированный джип все еще стоит на подъездной дорожке.

Что же, начинать определенно стоило с него. Тем более что дверь со стороны задних сидений была приглашающе открыта.

– Мисато?

Это снова сработало как заклятие – из темноты салона вытянулась мужская рука: длинные пальцы, те самые дорогие кварцевые часы, манжеты с перламутровыми запонками. Он не помахал, а просто согнул два пальца, указывая куда-то на изнанку салона, и я почувствовала себя так, будто поводок затянулся вокруг шеи и дернул к хозяйским ногам. Даже сглотнуть далось тяжело.

Мама всегда меня учила: «Не садись в машины к незнакомцам!» Но если я правда хотела превратить «лечение против воли» в лечение нормальное и результативное, это именно то, что нужно было сделать. Тем более мы ведь как-то катаемся в наше время на такси, верно? Вдруг и здесь меня подбросят! Но сначала, подозревала я, придется ответить на вопросы. У меня в кармане лежал чек, который, вероятно, оставался действительным только до тех пор, пока я не на-

чала бегать от клиента. Так что я сжала его, призывая силу уверенности, которую людям всегда давали деньги, и, набрав в легкие побольше воздуха, без слов забралась в машину.

Салон оказался неожиданно светлым, и пришлось постараться, чтобы не запачкать здесь ничего грязными кедами. Когда я подходила, переступая лужи, Мисато уже отодвинулся к другой двери и освободил для меня соседнее сиденье. Я не знала, есть ли кто-то за рулем, потому что салон делила на две части изящная перегородка с выдвижным столом, но мотор гудел, джип стоял заведенный. Пахло стеклоочистителем, вишневой подвеской-елочкой над задним окном и самим Мисато: он теперь был так близко, что я разобрала в его парфюме еще несколько амброво-дымчатых нот. И увидела: где-то там же, где бабушка Цубаки забыла предупредить меня, насколько ее внук не только несчастен, но и крайне эмоционален, она забыла упомянуть, что он также очень хорош собой. Но беспокоилась она не зря.

Лицо его, с резкой линией челюсти и мужественным носом с легкой горбинкой, выглядело изнеможенным. Сколько он не спал? Если теплое освещение дома скрадывало тени под глазами, то скудное освещение в машине лишь подчеркивало. Щеки гладко выбритые, да, но какие-то впалые для мужчины, столь широкого в плечах. Белки глаз – почти такие же красные, как его галстук, а тыльную сторону правой ладони вместе с фалангами пальцев, оказывается, тоже обвивает черно-белый японский орнамент, уходящий под ру-

кав. При этом Мисато, очевидно, был левшой: я мысленно отмечала все детали, даже то, какой именно рукой он потянулся в карман тренча.

– Мисато. – Я решила начать первой, раз уж он до сих пор молчит. – Прошу меня понять, госпожа Курода…

– Мэттью.

– Простите?

– Меня зовут Мэттью.

Хм, и говорит без малейшего намека на акцент, в отличие от бабушки Цубаки, которая иногда слишком сильно растягивает гласные. Билингв?

– Но ваша бабушка…

– Ты моя бабушка? – спросил он, и я не сразу поняла, что должна отвечать на этот вопрос, поэтому просто покачала головой. – Именно. Так какого хрена ты зовешь меня так же? Раз мы каким-то образом миновали стадию «господин Курода», то я Мэттью. *Мэттью*, – повторил он с нажимом в голосе и, перестав теребить карман, навис надо мной так низко, что его дыхание всколыхнуло мою челку. Возможно, он хотел поделиться тем, что сегодня на обед определенно ел луковые колечки. Несмотря на то что я вообще-то тоже люблю луковые колечки, я бы предпочла этого не знать и потому осторожно отклонилась в сторону. – Я не знаю, что тебе рассказала моя бабушка, фантазия у нее богатая, но последний человек на этом свете, кто может помочь мне решить мои проблемы, так это психоаналитик. Особенно если это еще и

девчонка в желтом дождевике. Сколько?

Я невольно посмотрела на свое запястье, но вспомнила, что не надела сегодня те единственные часы на кожаном ремешке, которые подарил мне на совершеннолетие папа. Да и у него, этого *Мэ-эттью*, самого часы были. Так зачем он спрашивает про время? Или он имеет в виду…

– Сколько моя бабушка обещала заплатить тебе? Я заплачу в два раза больше.

«Чтобы ты отстала», – прозвучало там, в конце, невысказанное, но каким-то образом все равно очень громкое, как пушечный выстрел над виском. Я уставилась на Мэттью в полумраке его салона – солнце опять зашло за облака, – и нечто металлическое, что было в его парфюме, стало напоминать запах крови. Он смотрел на меня так, будто ледяной рукой ворошил мою грудную клетку. Не отводя черных, как смола, глаз, Мэттью снова вслепую зашарил в своем кармане и вытащил оттуда смартфон.

– Скажи номер своего счета, и тебе переведут деньги в течение суток. Только думай быстрее. Твою мать!

Смартфон нечаянно выскользнул и закатился под сиденье. Пока Мэттью искал его, я перебирала во вспотевших пальцах чек бабушки Цубаки и смотрела в окно за его головой на японский сад, где каждый куст знал свое место. Должно быть, подумалось мне, это стоит невероятных усилий – постоянно сдерживать тот хаос, к которому он по природе стремится. Но я не гуляла там и не знала, насколько внеш-

ний порядок соответствует внутреннему. Возможно, бабушка Цубаки слишком долго не выходила из дома, и там все уже заросло.

Это и впрямь не Мэттью вел машину, по крайней мере сегодня: тот, у кого пальцы дрожат так, что со смартфоном не справляются, не совладал бы с рулем.

– Сколько часов вы спите? Хотя бы пять за день набирается? Нет?

Мэттью оставил попытки найти смартфон и пальцами зачесал назад волосы, выбившиеся из укладки и полезшие ему в глаза. Из-за того, что они напоминали колосья, на меня будто дикий зверь из пшеничного поля зыркнул.

– Вы хорошо питаетесь? – продолжила я, когда он не ответил. – Пьете алкоголь? Только перед сном, чтобы было легче заснуть, или утром, как просыпаетесь, тоже?

– Ты слишком много на себя берешь.

О, этот низкий предупреждающий тон. Началось.

– Хотите, расскажу, что происходит с человеческим организмом, когда он живет… ну, вот так? Жизнь становится выживанием. Повышается кортизол, отчего скачет давление, растет нагрузка на сердце, ухудшается память и концентрация. Алкоголь сначала помогает справиться с этим, да, но он сам по себе является депрессантом, то есть угнетает работу центральной нервной системы и ломает фазы сна, из-за чего утром вы просыпаетесь еще более разбитым. Плюс дрожь в руках, тошнота, головные боли, вспышки агрессии

и риск, что в какой-то момент вы примете решение быстрее, чем мозг успеет оценить последствия. Так что да, я беру на себя слишком много. Но вы, кажется, делаете ровно то же самое.

Мэттью замолчал, и я тоже, потому что мои экстренно аккумулированные знания со времен университета иссякли. Мы смотрели друг на друга, и каждый думал о своем. Я догадывалась, что Мэттью все еще решает, как бы по-тихому выбросить меня из машины и своего расписания, но сама представляла себе лицо бабушки Цубаки. Я просто не смогу соврать ей, что с ее внуком все в порядке и он не нуждается в помощи. Точно так же я, однако, не смогу отказаться от чека, если только, конечно, не хочу распухнуть от голода.

Выбор был ясен мне так же, как диагноз этого Мэттью-Мисато.

– Я возьму то, что вы мне предлагаете, – сказала я, кивая на карман, когда он все-таки поднял смартфон и, догадавшись, что он больше не нужен, затолкал обратно в тренч. – После одной встречи. Если вы заставите меня поверить, что вам действительно не требуется моя помощь и сами не передумаете, то мы разойдемся. Можем провести эту встречу на вашей территории, если вам так будет спокойнее.

– Ты совершаешь ошибку, – сухо произнес Мэттью, сжав челюсти.

– Знаю, – согласилась я. – Но пару дней назад я тоже совершила ошибку, только прямо противоположную этой. Хо-

чется разнообразия.

Он подавился каким-то нервным смешком и покачал головой, отчего волосы, блестящие от укладочного геля, которые он так старательно призывал к порядку пальцами, опять разметались по лбу. Следом за тем, как Мэттью их поправил, он опять полез в карман, уже другой. Мне на колени приземлилась визитка с тиснением: смутно знакомый адрес в часе езды от моего дома на окраине, несколько имен в углу с номерами телефонов, название компании крупным шрифтом *Kuroda Imports* и какой-то иероглиф рядом, матово-черный – #.

– Завтра в одиннадцать, – изрек Мэттью и, потянувшись через меня – я аж дыхание от его стремительного рывка и светлой макушки под моим подбородком задержала, – открыл автомобильную дверцу. Очевидно, это была просьба выйти.

– Вы… случайно, меня не подвезете?

Мэттью окинул меня, обнявшую свою сумку, таким взглядом, словно оценивал, достойна ли я этого. Видимо, нет.

– Нет, – подтвердил он вслух. – Мне не по пути.

Я бы поверила, если бы он до этого хотя бы спросил, куда нужно мне.

Как только я смиренно выползла на улицу, снова пошел дождь.

– Не опаздывай, – бросил он мне, высовываясь наружу, чтобы закрыть дверцу. – У меня плотный график. Для диле-

танток в нем место не планировалось.

– Так точно, – проворчала я себе под нос, но достаточно, чтобы он услышал. – Мистер Пунктуальные Луковые Колечки!

Пожалуй, это было лишнее, но сложно сдержаться, когда тебе за шиворот заливается холодная вода и нужно еще идти целый квартал, чтобы добраться до метро. Я спешно натянула капюшон, обернулась и не пожалела об этом: Мэттью налился краснотой так, как, наверное, не наливается та черешня, которой он торгует. Он быстро захлопнул дверь, и, несмотря на тонировку на стеклах, было видно, как силуэт по ту сторону подносит ко рту ладонь и, должно быть, проверяет, правду я сказала или нет.

Правду. Теперь самой луковых колечек хотелось.

Благо я сегодня могла их себе позволить. Еще несколько секунд, пытаясь осмыслить все произошедшее, я смотрела вслед черному внедорожнику, пока от него не остались только следы от шин на мокром асфальте. А когда я дошла до метро и спряталась в переходе, то, чтобы не тратить зря время в поезде, первым делом спустила к ногам сумку и выудила на свет тетради.

– Хм, понадобится больше конспектов, – цокнула языком я, вспоминая Мэттью. – *Намного* больше.

3

Ровно без двадцати одиннадцать я поднялась на поверхность одной из самых многолюдных и перегруженных станций метро. Выход из подземки обступали стеклянные небоскребы, в зеркальной поверхности которых отражалось прояснившееся за ночь лазурное небо. Мойщики окон висели на остроконечных мигающих верхушках, как вороны-переростки – не знаю, сколько нужно было бы заплатить мне, чтобы я согласилась лезть на такую-то высоту и стирать разводы тряпкой. Если про какой-то из районов нашего города и перешептывались в подворотнях «Здесь мутят таки-и-ие бабки, чувак!», то именно про этот: сплошь бизнес-центры и рестораны, где официанты сами заправляют вам за воротник салфеточку, а сусальным золотом украшают даже молочный коктейль. Другими словами, здесь я никогда до этого не была, поэтому крутилась волчком на перекрестке между восемью разными светофорами, пытаясь сориентироваться по навигатору.

Мимо семенили пешеходы, все сплошь в деловых костюмах, и я не пожалела, что выбрала сегодня вместо желтого дождевика классический кардиган, а вместо джинсов – фиалковое платье. Даже волосы забрала старательнее обычного, чтобы нигде ничего не торчало, и накрасилась, насколько умела. Такие люди, как Мэттью Курода, не только встреча-

ли по одежке, но и провожали по ней. Возможно, так у меня еще был шанс произвести на него если не хорошее, то среднее впечатление и установить контакт получше, чем вчера в машине.

Хотя не то чтобы тот вчерашний контакт было трудно превзойти, учитывая, что меня, кажется, хотели придушить.

Нужное мне здание оказалось самым кристально сверкающим и высоким из тех, что выстроились через перекресток в ряд, высокомерно наседая над шоссе. Какой-то полубезумный бездомный дед в картонной коробке вместо одежды, по запаху живущий на улице без душа уже примерно столько же, сколько я живу в этом городе, в переходе уцепился за лямку моей наплечной сумки и проорал прямо в ухо, когда я попыталась ее отбить:

– Ты идешь в логово зверя, девочка! Здесь всюду правит дьявол. Он не оставит на тебе живого места! Эти дьяволы все всегда себе забирают. Твоя работа, душа, квартира…

Я бы хотела сказать ему, что бояться нечего, ведь у меня нет ни работы, ни квартиры – да и души тоже, если верить средневековым поверьям про хотя бы около-рыжих, – но была слишком занята тем, чтобы случайно с этим дедом не поцеловаться, настолько плотно он ко мне прижался. К счастью, подоспело несколько прохожих с «Э-эй, отпусти девочку, старикан! Тебе на той неделе мало всыпали?!», и, наконец-то отвоевав свои вещи, я бросилась бежать. Не то чтобы такое случалось со мной впервые – город был откровен-

но так себе, хоть я и всячески нахваливала его родителям, – но преодолела я оставшееся до офиса расстояние буквально за два удара сердца. А оно все еще колотилось как бешеное, когда я ввалилась в крутящиеся двери, едва рассмотрев табличку *Kuroda Imports* над входом.

Охранник на посту досмотрел меня так внимательно, будто до этого работал в аэропорту, а затем, проверив визитку, подсказал:

– Шестьдесят пятый этаж.

Там меня ждал еще один контрольный пункт, на этот раз в лице смазливой секретарши, чем-то похожей на Кэролайн. Она подправляла красным лаком и пилочкой маникюр прямо поверх вороха документов. По моему опыту, такие обычно отличались злобным и принципиальным характером, но стоило мне подойти, как она тут же подсказала:

– Кабинет господина Куроды в конце коридора. У него еще идет встреча.

То, как секретарша цокнула в конце, скорее всего, переводилось как «дальше разбирайся сама и не мешай, у меня лак еще не высох», поэтому я благодарно кивнула и прошла вперед. Больше мне ничего от нее и не нужно было, даже кофе – я выпила пол-литра, пока ехала сюда, потому что не спала всю ночь, пересматривая видеолекции и конспекты. В отличие от вчера, когда меня застали врасплох – раза два, а то и все три, – сегодня я была во всеоружии!

Но сначала мое оружие нужно было расчехлить, а также

дождаться наилучшего момента для его эффектной демонстрации. Я еще раз хорошенько освежила в голове все аргументы и научные факты, которые должны были помочь мне убедить Мэттью или просто красиво выпендриться; от «Вам нужна система, комплексный подход, который будет сочетать в себе когнитивно-поведенческую терапию и гештальт-терапию» до «А вы знали, что недосып усиливает реактивность миндалины – участка мозга, отвечающего за страх и угрозу?». К тому моменту, как я мысленно проговорила все, что знала, позади меня осталось уже около десяти дверей – за всеми, мельком подсмотрела я, молча сидели в креслах, но не работали какие-то угрюмые мужчины. Заставленный черными кожаными креслами коридор, выеденный фосфорным светом, оказался невероятно длинным. Впереди располагались двери побольше, двустворчатые, а прямо за ними слышался гомон мужских голосов. Судя по тому, что все они говорили на повышенных тонах, даже во фруктовом бизнесе переговоры не всегда идут гладко.

Убедившись, что никто не видит, я поддалась любопытству и растопырила у дверей одно ушко.

– Блять! Эти еые суки снова все испоганили! Вечно с ними все через жопу! В доках осталось больше полтоса наших прототипов, а этому легавому сколько ни отваливай, даже половину отказывается возвращать. Скорее всего, потому что уже все продал этим пидорасам!

– Шарль, прошу, давай культурнее.

– Это были прототипы Nexpo-200. Те самые, которые мы как финалочку Северной Корее толкнуть хотели.

– Что?! Блять! Еые суки! Пидорасы!

– Да, я так сразу и сказал.

Один из голосов определенно принадлежал Мэттью. Скорее всего, ему же принадлежал тот грохот, с которым кто-то отодвинул стул, и дребезг, вероятно, бокалов. Что-то в кабинете упало и покатилось.

– Оттого, что вы материте здесь все на чем свет стоит, проблема не решится. – А вот и третий голос, незнакомый мне так же, как и первый, но значительно старше и его, и Мэттью. – Произошедшее в доках не должно повториться. Не мне говорить тебе, что делать, но, по-моему, пора приструнить этих бешеных псов, иначе мы окончательно потеряем город. У нас уже готовы Pomona-3, Calyx-Z, Suhoshi-9… Мы можем экспортировать их позже, а сейчас воспользуемся теми же преимуществами, которые создаем для других. Заберем свое.

– Да, Гэвин прав, Мэтт! Тем более Suhoshi-9 что, уже готовы? Как я тащусь по этим «сухофруктикам»! Поскорее бы подержать в руках…

Я на мгновение оторвала запотевшее ухо от двери, потому что после этого в кабинете воцарилась звенящая тишина. Думала, что если немного познакомлюсь с работой Мэттью на практике и с ним самим как с боссом, то, возможно, смогу лучше понять, как ему помочь, но на деле же только сильнее

запуталась. Одну половину слов даже не поняла, а вторую… Тоже не поняла.

Какие странные названия для фруктов, однако, выбирают эти мужчины!

– Suhoshi-9? – повторил Мэттью из-за двери. На этот раз я легко отличила его голос от других: он говорил таким же ледяным тоном, как тогда у бабушки Цубаки. Нет, даже хуже. – Какая же ты гнида, Гэвин!

Снова грохот, падение и дребезг. Щелк! Что-то ударилось о дверь с той стороны, и я отпрыгнула, рефлекторно приставив ко рту ладонь, чтобы не взвизгнуть.

– Мэттью… Мисато! Возьми себя в руки.

– Ты был абсолютно прав. Не тебе говорить мне, что делать.

– Да что с тобой такое в последнее время?! У тебя совсем крыша поехала! Это уже паранойя! Права была госпожа… Ты не в себе! Ты… Мэттью, пожалуйста. Ты что-то не так понял…

– Все я понял верно.

В ушах у меня зазвенело. Звук, эхом отразившийся от стен всего здания, со всей силы ударил по барабанным перепонкам и вызвал головную боль. Прежде я слышала этот звук только по телевизору, а так громко – только в кинотеатрах. И никогда вживую, в нескольких метрах от себя через тонкую, как фанера, стену. На языке растекся железистый привкус. Я даже не заметила, как впилась зубами в ребро соб-

ственной ладони, застыв здесь, за дверью, как продолжение той тени, что следом за тяжелым «бух!» просочилась через узкую щель над полом.

Неужели это правда был…

Выстрел?!

Нет, нет, конечно же, нет… Этого просто не может быть! Какой еще выстрел, Виола? Ха-ха! Никто из соседних переговорных даже не выглянул. Это явно хороший знак! Кто бы стал стрелять в офисном здании в самом центре города посреди белого дня? Ты такая смешная! Они, наверное, просто хотели отметить завершение своих фруктовых переговоров и бутылку шампанского открыли…

– Ох, твою мать, тут все в кровище. Ты бы хоть не напротив белой стены это делал, Мэтт!

– Еще раз назовешь меня Мэтт, и я тебя тоже пристрелю.

Похоже, все-таки не шампанское.

– Какого хрена это вообще было?

– А такого, что Suhoshi-9 только на стадии гребаного чертежа! Я соврал, что они готовы, только крысе Михаэлю, еще до того, как мы его завалили. Откуда Гэвин тоже об этом знает? Все они… Эти двое и черт знает кто еще… Тоже крысы! Ублюдские шавки Монтрейна!

– Но… Зачем… Он же сам предложил налет на них, воспользоваться товаром…

– Не тупи, Шарль. У нас несколько заводов по всей стране. Чтобы воспользоваться сразу тремя партиями разного

оружия, как предложил Гэвин, его нужно было бы свезти на один склад. Как думаешь, что сделают в таком случае Монтрейн? Подай мне салфетки. Влажные. Кровищи что-то и вправду много…

Я по-прежнему стояла там так, будто услышанного мне было до сих пор мало. По ту сторону двери завозились, снова грюкнуло кресло, со скрипом отодвинулся стол, и полоска тени у моих ног растеклась шире, как если бы приблизился человек. Тогда я развернулась и, напрочь забыв о скрытности, со всех ног бросилась прочь.

Секретарша едва подняла на меня глаза из-за стойки, как будто этот выстрел не прогрохотал на всю округу. Я могла бы решить, что от вони ацетона у нее каким-то образом заложило уши, но очень быстро поняла: нет, она просто привыкла к этим звукам. Как и к их последствиям:

– Переговоры уже закончились, да? Господин Курода не передавал, звать уборщицу прямо сейчас или позже?

Клик-клик-клик!

Вместо внятного ответа я махнула головой и почти сломала ноготь, пока стучала по кнопке лифта, топчась перед ним на трясущихся ногах и молясь всем богам, чтобы семьдесят два этажа этого здания сложились в один и лифт приехал поскорее. Но он не приезжал до тех самых пор, пока в конце того коридора, откуда я вылетела, не раздались два тех самых мужских голоса и шаги. Когда кнопка над лифтом звякнула и загорелась, Мэттью уже стоял в приемной своего

офиса, а я – за дверью женского туалета, влетев туда в последнюю секунду. Только край его черного пиджака где-то там, за ней, мелькнул.

Господи. Господи. Господи!

Несколько секунд ничего не происходило, потому что я оцепенела перед изящными фарфоровыми раковинами так же, как тогда перед офисной двустворчатой дверью. Однако когда голоса послышались снова, слишком близко к моему импровизированному убежищу, инстинкт самосохранения погнал меня дальше – сначала к маленькой форточке под потолком, пока я не вспомнила, что нахожусь на шестьдесят пятом этаже, а потом в самую последнюю туалетную кабинку. Я заперлась, захлопнула унитаз крышкой, забралась на него с ногами и снова зажала себе рукой рот – на всякий случай, чтобы не начать молиться вслух.

Не знаю, сколько именно времени прошло, я отсчитывала его в тех таблетках, которые заталкивала себе в рот, выудив пластиковую баночку из сумки. Жутко тошнило, поэтому пришлось постараться, чтобы проглотить их, но в конце концов стало полегче. Тело еще била дрожь, но я уже не была уверена, от страха это или же от передозировки. Все, что я слышала теперь, – это журчание воды в бачке и свое собственное тяжелое дыхание. Снаружи, кажется, все затихло. Значит, пора отсюда выбираться.

Думай, Виола. Думай!

Позвонить в полицию? Один из них сказал, что дает взят-

ки легавым, выходит, вариант рискованный. Позвонить… кому-нибудь еще? Кэролайн, чтобы попросить психологической поддержки? Маме, чтобы у нее случился сердечный приступ? Несуществующему другу, который вытащит меня из форточки шестьдесят пятого этажа или тоже носит с собой ствол? Конечно. А может… Дернуть пожарную сигнализацию в коридорах и поднять переполох? У них вообще есть сигнализация?..

Думай, Виола. Думай!

Но единственное, что я в итоге придумала, – это достать телефон и начать гуглить все подряд, потому что, как известно, именно так поступают взрослые люди в наше время, случайно оказавшиеся по уши в дерьме. Да и в конце концов, чтобы разобраться с чем-то, нужно сначала понимать, с чем именно, верно? Верно.

Пальцы не слушались, экран мигал и расплывался, когда нечаянно попадала ими не туда. Первые запросы в поиске вышли такими, будто за меня их полностью составляла автозамена: «нэкспо экспа 200 оружие», «сухоши сухофрукты», «Kuroda Imports Курода Мисато». Интернет услужливо предложил мне выставку строительных материалов, подержанный принтер, рецепт кураги в духовке и паназиатский ресторан в пригороде. А еще тот единственный сайт, который я нашла еще вчера, когда пыталась найти что-нибудь о бизнесе Мэттью и тех, кто меня вообще нанял: скромный лэндинг с юридическим адресом Kuroda Maritime Co. и фотога-

лереей фруктов на заказ, для оформления которого нужно заполнить анкету.

Только вот теперь я была более чем уверена, что никаких фруктов ни в этом здании, ни где-либо еще под именем «Курода» не продавалось и в помине. Потому что это был даже никакой не бизнес вовсе.

«Иначе мы окончательно потеряем город…»

«В доках осталось больше полтоса прототипов…»

«Ублюдские шавки Монтрейна!»

Нет, умоляю, только не это.

#.

Я думала, мои пальцы не могут дрожать еще сильнее, но потом я стала вбивать в поисковую строку новый запрос. Сначала латиницей, потом на японском через переводчик, с приставками «порт», «стрельба», «происшествия». В конце концов мне удалось найти тот выпуск новостей, который транслировали по телевизору, и несколько приближенных кадров с обнаруженным в доках грузом и иероглифом, которым были помечены ящики. Я смотрела на них с минуту, потом столько же – на визитку, которую дал мне в машине Мэттью и которая скукожилась в кармане от страха вместе со мной. Затем я смотрела на то и другое по очереди, выкрутив на телефоне яркость на максимум, а визитку подставив к свету. Сравнивала, хмурилась, опять сравнивала… Чтобы убедиться в очевидном.

#.

Как выяснилось, такие иероглифы называются «кандзи», и этот кандзи переводился как «черный». Фамилия Курода на японском записывалась как ## – «*черное поле*», и это вовсе не было совпадением, даже если мне очень хотелось в это верить.

Я сидела в туалете офиса *Ямато-гуми*[1] – самой многочисленной мафиозной группировки в городе и третьей по численности в стране.

– Пожалуй, еще таблеточку, – выдавила я, залезая в рюкзак.

Никакая таблеточка, однако, не давала способности становиться невидимой или телепортироваться, а выбираться отсюда как-то было нужно. За все это время в туалет ни разу никто не зашел, новых выстрелов снаружи не слышалось, как и криков «Эй, где эта дилетантка, свидетель убийства?!». Возможно, мне до этого дня так чертовски не везло, потому что моя удача аккумулировалась только ради этого момента – чтобы никто даже не заметил моего присутствия в самый неподходящий момент в самом неподходящем для того месте и я могла тихонько выскользнуть из туалета, запрыгнуть в лифт и сбежать.

Вынужденная проверить это, я осторожно спустила ват-

[1] «Гуми», кстати, означает «группа», все названия кланов якудза в Японии носят такие добавочные приставки. Но Виоле сейчас не до этой информации, конечно *(здесь и далее прим. автора)*.

ные ноги с унитаза и, замирая, открыла кабинку. Дошла до двери, прислушиваясь к звукам каждые два шага, и аккуратно, предельно медленно и совсем чуть-чуть, на пару сантиметров, ее подтолкнула.

– А вот и ты.

Крик поднялся к горлу и умер там, как, вероятно, вот-вот должна была умереть я, потому что прямо за дверью неподвижно стоял молодой босс Ямато-гуми собственной персоной. В узкий проем просунулось его недовольное лицо. Широкая спина, обтянутая белоснежной шелковой рубашкой, загородила собой все коридорные светильники, и при таком скудном освещении глаза его казались совсем черными. А может, прав был тот безумный дед – я и вправду связалась с дьяволом!

– У тебя понос?

Однако вряд ли настоящий дьявол спросил бы именно это. Даже у него наверняка не было все настолько погано с чувством такта.

– Или месячные? – продолжил Мэттью, пока я немо пялилась на него из-за двери, борясь с желанием ее захлопнуть. – Моя секретарша сказала, что ты давно здесь. Я не вижу других причин, почему еще женщина может торчать в туалете сорок минут вместо обещанной встречи, если только она пошла туда не с подружкой.

– В-вы это от бабушки узнали?

Эти черные демонические глаза опасно сузились.

– Мне скоро тридцать. Продолжай думать, что единственная женщина в моей жизни – это бабушка.

– Т-то есть это не так?

– Разумеется, нет. У меня было много девушек.

– И с-сколько из них страдали в отношениях с в-вами поносом? Это может быть в-важно для наших с-сессий.

– Ты чего заикаться начала? Вчера такого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.